

Даля Трускиновская

Лжесвидетель

Даля Трускиновская
Лжесвидетель
Серия «Клоунские детективы», книга 4

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164059

Далия Трускиновская

Лжесвидетель

После представления директору цирка пришлось развлекать гостей-спонсоров в ресторанчике напротив, и развлечение это неожиданно затянулось чуть ли не до полуночи. Выйдя, он по привычке посмотрел на окна администрации, выходящие на улицу, и обнаружил, что в его собственном кабинете горит свет. Тут лишь он вспомнил, что оставил там приятеля давних лет, в какой-то мере – даже воспитанника, пообещав вернуться через полчаса.

Всякий разумный человек сообразил бы, что спонсоры и ресторанчик – это, скорее всего, надолго. И, видя, что полчаса миновали, ушел бы в цирковую гостиницу, сдав ключ от кабинета вахтеру. Нехорошие подозрения одолели директора – он перебежал улицу перед самой мордой троллейбуса и ворвался в приемную, где и застыл от неожиданности – из-за собственной кожаной двери с золотыми кнопками его облаяли.

Собак в кабинете он уж точно не оставлял!

Директор осторожно нажал на ручку. Сам бывший дрессировщик, он бы и теперь, невзирая на почти семьдесят лет, с любой упрямой животиной управился. Но кто бы там мог засесть?

– Арго, фу, заткнись... – голос был мужской, несколько брюзгливый, как у человека, которому помешали заниматься важным делом. И тут же дверь приоткрылась, на пороге встал красивый пес шоколадной масти в серую крапинку.

Это был знакомый пес, ласковый и сообразительный. С ним можно было не церемониться.

Директор отстранил пса рукой и вошел. Немолодой уже человек, сидевший у его компьютера, повернулся, и директор, прищурившись, увидел, что по монитору летят сверху вниз разноцветные кубики.

– Мальчик... – ошарашенно произнес он. – Ты сбрендил?

И основания для испуга были – физиономия артиста имела как раз такой отупелый вид, какой бывает после трех часов непрерывной игры в идиотский «Тетрис».

– Я? – продолжая направлять кубики в пустые места, ошалело спросил Артем.

– Нет, а что?..

– Мальчик, ты посмотри, который час! – воскликнул директор. – Нет, ты посмотри, посмотри!..

– А что? – удивился Артем, все еще не в состоянии расстаться с «Тетрисом», тем более, что игра близилась к завершению, кубики набирали скорость и до личного рекорда оставалось лишь две тысячи очков. – Уже поздно, да?

– Поздно?..

Директор подошел к столу, наклонился и нажал на клавиатуре латинскую букву «Q», что означало выход из игры. Кубики исчезли и появилась синяя таблица. Тогда директор резко развернул Артема, благо его стул был на колесиках, и расположил лицом к настенным часам.

– А ни фиги себе! – Артем всплеснул руками и уронил их на колени.

Возглас был предельно искренний.

– Конечно, ты можешь остаться в кабинете на ночь, – с большим ехидством предложил директор. – Ты даже можешь тут просидеть до репетиции. Я скажу тете Клаве, чтобы чаем с тобой поделилась. А потом, извини, мальчик, мне кабинет понадобится. Завтра в одиннадцать англичане приедут. До одиннадцати ты уложишься?

– Они будут смотреть?

– Только аттракцион. Им аттракцион нужен, – тут директор громко вздохнул.

– Ты только молчи. А то опять все к ним с кассетами полезут...

Прогресс добрался и до цирка. Всякий руководитель номера имел видеокассеты с записью своего выступления и старался их всучить любому иностранцу, заглянувшему в цирк. А тут действительно приехали английские импрессарио. И нетрудно вообразить, как музыкальный эксцентрик Палийчук, старая рухлядь, но зануда редкая, будет дежурить у дверей директорского кабинета с кассеткой, на которую возложено столько надежд!

– Ладно, дядь-Юра, промолчу, – пообещал Артем и встал. – Как эта штука вырубается?

– Ты даже этого не знаешь? Комбинацией из трех пальцев, – директор сам показал, как одновременно нажать на клавиатуре три кнопки. – А чего я дурака валяю, когда можно просто выключить?

– Дурака валять положено мне, – согласился Артем.

И был-таки прав. Недаром же он изготовил себе красивую табличку «PROFESSIONALNY DURAK» и в каждом новом городе вешал ее снаружи на дверь грибки, чтобы сразу ясно было: здесь – клоун.

Экран монитора погас.

– Сотру я эти игрушки к чертовой матери, – пообещал директор, выходя вместе с Артемом и Арго из кабинета. – Одна трата времени. Послушай, мальчик, а почему бы тебе свою машину не купить?

– Да есть у меня машина, во дворе стоит! – воскликнул Артем. – Ты что, дядь-Юр, забыл?

– Я про компьютер. Давай я тебе телефон одной фирмы дам, возьмешь себе ноутбук за тысячу баксов и сиди с ним у себя в номере хоть всю ночь. Вот такой маленький, как телефонная книга! Ребята тебе туда игрушек набьют под завязку, ну?

– Тысяча баксов? – переспросил Артему – Ну и что? А куда тебе еще деньги девать? Ты же тут у нас получаешь неплохо? И гонорар еще не весь пропил?

– Получаю я неплохо, – согласился Артем. Действительно, кроме как на одежду, Аргошку, бензин для машины да время от времен автосервис, он денег почитай что и не тратил.

И дорогую игрушку Артем вполне мог себе позволить.

* * *

Компьютерная фирма располагалась на самой границе между жилыми кварталами города и промышленным районом. А окна дома, в котором она занимала подвал, выходили не более не менее как на кладбище.

Сквозь весь город, длинный и узкий, в точности повторяющий изгибы реки, протекала улица, на протяжении своем, в соответствии с крутыми поворотами, трижды менявшая название. Это была прекрасная современная улица с роскошными магазинами в многоэтажных домах и с ярчайшими вывесками. От нее отходили переулки – и, свернув в нужном месте, Артем обнаружил кварталы двухэтажной деревянной застройки – возможно, довоенной. За ними шли какие-то одинаковые каменные бараки, старые кирпичные склады, круглобокие белые ангары такой величины, будто в них собирались держать дирижабли, а возле самого кладбища, куда он сгоряча заехал через вынужденное звено решетчатого забора, стоял дом не дом, а целая крепость с башнями, во двор которой следовало заезжать через арку. Это был даже не довоенный, а, наверно, вовсе дореволюционный дом, и он один наводил на мысль, что до войны тут была вполне приличная застройка, может, даже аристократический райончик.

– «Жизель», действие второе, – сказал себе Артем, подавая машину задом-задом, чтобы не снести случайно покосившийся крест. – Сейчас из куста выйдет покойница и пригласит на белый танец.

Но не вышла покойница, и вообще, добираясь до фирмы, Артем не встретил ни одной живой души. Такое уж тут было нежилое местечко.

Если со двора войти в один из четырех подъездов, и подняться на три ступеньки, и пройти длинным коридором, и спуститься на восемь ступенек, то можно было попасть в подвал. Насчет двери без вывески, которую удавалось открыть, лишь навалившись на нее плечом, директор цирка, к счастью, Артема предупредил.

Не зная, как отнесутся компьютерщики к визитеру с собакой, Артем оставил Арго в гостинице. Пес был выгулян, покормлен и изъявил желание подремать.

На территорию фирмы Артем не столько вошел, сколько вломился. Дверь стойко сопротивлялась, а потом так же решительно сдалась. Но никто не обратил внимания на гостя. Специалисты были заняты важным делом.

Вот какую картину увидел Артем.

Высокий молодой мужчина, похожий на итальянского актера, держал у губ лыжную палку и надувал щеки, словно надеясь извлечь звук. А невысокий светловолосый, в свитере чуть ли не по колено, стоял согнувшись у дальней стены и тянул на себя, перебирая руками, веревку или тросик. Высокий резко фукнул, из лыжной палки что-то вылетело и ударилось в стенку возле кроссовок светловолосого.

– Ты что, козел?! – завопил тот.

– Я с упреждением! – отвечал стрелок.

– Ага – с упреждением! – тот, кто едва не пострадал, поднял с пола пробку, пронзенную насквозь чем-то длинным, тонким и острым, возможно, цыганской иглой. – Ни фиги себе упреждение!

– А ты с какой скоростью тянул? – сердито спросил стрелок. – Ты что – с постоянной скоростью тянул?

– А что, крысы с постоянной скоростью бегают?

Тут лишь Артем понял, что подвал, как ему и положено, был крысиным царством, а компьютерщики изобрели для охоты на грызунов духовую трубку нового образца и проводили испытания.

– Это компьютерная фирма «Креатив»? – спросил он.

– Она, родная! – с явственной ненавистью заявил стрелок.

– Где я могу видеть Прохановского?

– А вы вон туда пройдите!

И Артему было указано на щель между стеллажами с раскуроченной электроникой. Щель была прямая и длинная – как и коридор, вдоль стен которого стояли стеллажи.

Он протиснулся – и сразу увидел трогательную картину.

На старом диване сидели в обнимку четверо мужчин с умильными физиономиями.

Артему даже померещилось неземное блаженство. Он повернул голову к источнику блаженства – и увидел телеэкран. А уж что было на экране – того в приличном обществе он не рискнул бы описывать. Разве что после шестой бутылки водки – Извините, – негромко вмешался Артем, чтобы не перекрывать голосом английскую речь персонажей и стоны страсти, – я Прохановского ищу.

– Вы из цирка? – спросил президент фирмы. – Это вы звонили? Пацаны, ну!..

И с немалым трудом поднялся с продавленного дивана.

Чтобы попасть в кабинет, они прошли той же щелью, спугнув охотников на крыс в самый ответственный момент. Прохановский завернул за фанерную перегородку, потом опять были какие-то полки, и, наконец, Артем вздохнул с облегчением – ему предложили

кресло возле вполне приличного письменного стола. Он уже не чаял увидеть в этом подвале хоть какую-то благоустроенную мебель.

Возблагодарив Бога, что по дороге ни один монитор, ни один жестяной кожух не рухнул ему на голову, Артем сел.

– Цирк у нас на абонентном обслуживании, – сообщил Прохановский. – Мы там недавно апгрейт делали. Значит, вас интересует ноутбук? А, собственно, зачем?

На круглой физиономии юного президента было написано примерно такое: мужик, я лучше тебя знаю, что тебе нужно, и это не ноутбук за тыщу баксов, а коробка домино.

– Хочу играть в «Тетрис», – совершенно спокойно ответил Артем. – Очень, знаете ли, познавательная игра.

– Поз?... На?..

Артем добился своего – президент закашлялся.

– Ну да. Познаешь сам себя. Никогда не думал, что могу четыре часа подряд гонять эти чертовы кубики.

– И для этого вам нужен ноутбук?

Артем понял, что покусился на какую-то святыню.

– Мне нужно то, что я смогу возить с собой. А как это называется, мне, собственно, безразлично.

– Ноутбук, чтобы играть в «Тетрис»?!

Президент все еще не верил собственным ушам. Вдруг его осенило.

– Погодите! Если вам нужна именно эта игрушка...

Он полез в карман и достал сотовый телефон с довольно большим экраном.

Потыкав в кнопки (причем Артем не мог понять, как толстый, чисто мужской палец умудряется нажать всего одну из девяти тесно наклепленных штучек), он сунул телефон под нос Артему.

– Так вот же ваш «Тетрис»! Вот то, что вам нужно!

– Вот это? – Артем поднес экран поближе. – Нет, вот это мне как раз и не нужно. Тут все какое-то серое, а «Тетрис» – разноцветный. И эти кнопки – мне на них смотреть жутко. Я не представляю себе, как ими играть.

Все это Артем произнес тоном возмущенного миллионера, которому вместо «роллс-ройса» подали старый «запорожец», и он не представляет, как разместить свое тело в этой жестянке.

– Да? – удивился президент. – Ну, ладно!

Круглая физиономия была настолько выразительна, что Артем прочитал: ох, и расскажу же я завтра ребятам про этого уникального чудака! Он станет легендой нашей фирмы!

Артем посмотрел на часы. Он приехал сюда после представления лишь потому, что директор цирка сказал – у этих рабочий день в девять вечера только начинается. И он хотел решить проблему до десяти – в половине одиннадцатого по телевизору шел фильм, от которого он в юности был в полном отрубе.

Однако выяснилось, что тот ноутбук, который фирма готова была продать Артему, сейчас отсутствует. Некий сотрудник взял его на ночь, чтобы наиграться в полное свое удовольствие. Так что напрасно Артем вез с собой тысячу долларов.

Президенту Прохановскому было крайне неловко.

– Вы хоть присмотрите себе еще какие-нибудь игрушки, – просил он. – Мы вам завтра все поставим и машину прямо в цирк привезем!

Он перечислил штук десять каких-то ходилок и стрелялок, поочередно вытаскивая их на экран. Были там простые, вроде «персидского принца», были какие-то трехмерные, где ощущаешь себя летящим по коридорам адского замка. Артем видывал, как в них играют, но

сомневался, что управится с такими сложностями, и пока хотел только «Тетриса». Его-то как раз на рабочей машине Прохановского и не нашлось.

– А знаете? Я вам включу другую машину – и вы хоть поиграете, – предложил Прохановский. – Идем! У Петровича точно есть. Он когда два винта подряд пожег – тоже от злости полночи бункер заполнял. Нам мимо пройти страшно было. А то – что же? Выходит, совсем зря приезжали?

Опять Артема повели какими-то щелями, где со всех полок торчат штыри и проводочки, а над головой нависают ящики.

– Зачем вам это? – спросил Артем, показывая на полупустые стеллажи.

– Заливает, – объяснил Прохановский. – Мы тогда все машины повыше поднимаем. Ливневая канализация – вдрободан! Ничего, уже начался великий ремонт. Вон там, за стеной, будет сауна, еще массажные кабинеты...

Артем подивился, на кой устраивать сауну в трех шагах от кладбища, и тут же придумал привидение, которое, не снимая савана и время от времени протяжно гугукая, хлещется веничком и обливается из шайки. Такие придумки он старался сразу же записать. Репризу с привидением вроде бы никто пока не делал...

Закуток, где стоял нужный компьютер, был отгорожен от мира стенкой. Тут даже наблюдался некоторый уют – низкое кресло, настольная лампа с розовым абажуром, термос, надорванная пачка печенья.

– Тут у Петровича обычно чай бывает, – сказал президент. – Вы не стесняйтесь. Если вы не съедите – крысы пожрут. Там все бетонируют – так они к нам прибежали.

И включил компьютер.

Как всем известно, «Тетрис» рядом с бункером для кубиков имеет таблицу результатов в тридцать строчек. И эта длинная таблица свидетельствовала – хозяин компьютера начал жизнь сначала. Были заполнены только верхние строчки. Это Артем уже понимал – даже когда состязаясь сам с собой, надоедает вести спор за десятки очков, и хочется опять первых мест в пустой таблице. Поэтому стираешь файл с результатами, получаешь абсолютно пустую таблицу и чувствуешь себя юным бойцом, идущим в первую атаку.

Артем оценил профессионализм игрока – для того шестьдесят тысяч очков были нормой, а Артем выше сорока тысяч еще не всползал. Достойный противник, словом, и имеющий хорошую привычку вместо имени впечатывать в строчку дату игры. А сколько пустых строчек, которые можно заполнить собой!

Артем уточнил, какими кнопками работать, и был крайне признателен Прохановскому, когда тот вышел из закутка.

Игра пошла!

Артем с первого сета, гейма, или как бы это назвать по-спортивному, завоевал тринадцатое место. То, что в двенадцатой строчке было шестьдесят две тысячи триста восемьдесят очков, а в тринадцатой оказалось всего двадцать восемь тысяч, роли не играло.

Довольно быстро Артем заполнил всю таблицу своими результатами и принялся их улучшать. Вместо даты он ставил свое имя, как оно и полагается на самом деле.

Несколько раз машина его била, как маленького – начиналась гнусная сыпучка, и заработанные пять-шесть тысяч никуда не годились. Потом он в последние секунды довольно удачной игры так ловко вставил зеленый кубик, что вся гора рухнула, а табло показало неслыханную цифру – одиннадцать тысяч очков. Вместе образовалось шестьдесят две тысячи четыреста двадцать, и Артем вознесся на двенадцатое место, а неизвестный игрок переместился на тринадцатое...

Это и было его главной удачей в тот вечер.

Когда в глазах и во лбу сделалось как-то странно, Артем понял – хватит.

Завершать не хотелось, однако и телевизор ждать не станет. Артем вышел из игры, посмотрел на часы и понял – телевизор действительно не стал ждать.

Он уже вовсю крутит любимый фильм. Оставалось только хлопнуть себя по лбу.

Со скрипом выбравшись из кресла, Артем покинул закуток и ступил в узкий коридор.

Его удивило то, что за пределами закутка царил полнейший мрак. Более того – и голосов не слышалось. Куда же подевались те зрители, что буквально пять минут назад хохотали над порнухой?

И где юный президент Прохановский?

– Эй! Есть кто живой?! – крикнул Артем.

Живые не отозвались. С кладбища тоже никто не пискнул. И потребовалось минут пять, чтобы уразуметь – живые давно едут домой, или уже сидят дома, пьют чай с женами. Склероз в большей мере свойствен молодости, чем старости, – и эти молодые козлы честно забыли про клиента, который сидит себе и играет в идиотский «Тетрис». А может, и не знали. Может, во всем виноват исключительно Прохановский. Умчался – и никого не предупредил, чтобы клиента вовремя отцепили от машины и выбросили из подвала.

Важен результат...

Артем вернулся в закуток, открыл термос и выпил остатки теплого чая.

Сгрыз несколько печенюшек. И сел думать.

Время было еще вполне приличное – он мог позвонить директору цирка дяде Юре, чтобы тот связался с Прохановским и велел выволить узника. Но где искать телефон? В полнейшей темноте, да еще в лабиринтах стеллажей, Артем если что и мог найти – так разве криво стоящую на верхней полке железную дребедень, чтобы обрушить ее на свою дурную старую голову...

Он прикинул, какой длины шнур у настольной лампы, и оказалось, что ее можно поставить так, чтобы осветить часть коридора. Остальной отрезок Артем прошел наощупь, лаская руками железные стояки с большей нежностью, чем бюст красавицы.

Конечно, на повороте он зацепил какой-то шнур, свисающий с верхней полки, проклятый шнур угодил ему подмышку, Артем вместо того, чтобы отступить, шагнул вперед – и чудом увернулся от летящего на него железного кожуха, предмета не тяжелого, но, как говорил дядь-Юра, дребездливого.

Вместе с кожухом посыпались и разбежались по полу какие-то мелкие штучки.

Выключатель был найден там, где ему и положено быть – у дверного косяка.

Дальше дело пошло проще – Артем, закинув кожух наверх, понемногу осветил весь подвал и нашел выходную дверь. Хотел было в нее ломануться – но встал, закусив губу. Компьютерщики свое железное имущество не на крючок запирают. А если запасные ключи и спрятаны в подвале, то Артему их ни в жисть не найти. Скорее всего, и сигнализация на дверях поставлена. Ни изнутри не пробиться, ни снаружи.

Тогда он пошел искать телефоны.

– Дядь-Юр! Выручай дурака! – и Артем вкратце описал свое дурацкое положение.

– Так тебе и надо, – сказал директор. – Подожди, мальчик, я сейчас их всех на ноги подниму.

Через четверть часа оказалось – Прохановский за два месяца, прошедших с того времени, как фирма возилась с цирковыми компьютерами, ушел от жены, и его теперешних координат она не знает и знать не желает.

– Я позвоню в общагу, скажу, чтобы за Аргошкой присмотрели, – пообещал дядя Юра. – У Натальи ключи от всех комнат, и не было еще случая, чтобы что-то по ее вине пропало.

– Спасибо, дядь-Юр, спокойной тебе ночи... – проворчал Артем.

Компьютерщики жили с относительным комфортом. Диван, на котором они смотрели порнуху, был готов приютить ночного гостя, накрыться можно было пыльным пледом, вместо подушки примостить валик. Клозет тоже отыскался.

Оснований для паники не имелось.

Единственное, что смущало, – снаружи осталась машина. Но она стояла не на видном месте, а в дворе, и вряд ли кто шастал в этих безлюдных местах по ночам в поисках иномарок. Разве что кладбищенские привидения.

Артем потушил свет, впотьмах добрел до дивана, лег, но сразу уснуть не смог. Не то чтобы незнакомое место, не то, чтобы впервые спать одетым...

За двадцать лет цирковой карьеры и не такие ночлеги случались. Видно, действительно обалдел от «Тетриса». Шутка сказать – больше двух часов без перерыва!

Неизвестно, сколько времени прошло, и сон уже начал путать, комкать мысли, и вроде даже сонные события какие-то начались, и голоса глухо забубнили...

Вдруг Артем понял, что голоса-то – настоящие!

Он прислушался.

Кто-то беседовал за стеной. Точно – беседовал. Вроде – двое.

Первым делом Артем решил постучать в стену, привлечь внимание и проорать – мол, заперт, освободите! Потом сообразил – а как? Лаз в стене проковыряют они, что ли? Ведь ключа от входной двери (надо полагать, и ключ-то – не один) у этих застенных собеседников точно нет.

Голоса бубнили совсем невнятно. Артем вздохнул и решил спать. Он опустил голову на подушку – и тут за стеной раздались подряд два хлопка, что-то рухнуло и резанул ухо стон – даже сквозь стенку пронзительный.

Артем сел. Могло ли такое померещиться?

Он снова услышал стон. И разобрал слово:

– По-мо-ги-те!..

Выходит, это были выстрелы?

Артем застучал в стену.

– Сю-да-а!.. – ответили ему.

– Не мо-гу-у-у! – заорал Артем. – Что там у вас?

– Ранен... в живот...

– Я сейчас милицию вызову! Слышишь?

– Да-а!..

Артем вскочил, зажег свет, бросился к телефонам.

– Але?! Милиция! – закричал он, закричал как бы и для того, чтобы человек за стеной слышал и понял – его сейчас спасут. – Здесь сейчас застрелили человека! Тяжело ранили! Он умирает!

– Адрес! – потребовал дежурный.

– Адрес?

Как на грех, у Артема вовсе вылетело из головы название улицы, а номера дома он, похоже, и вовсе не знал. Когда он звонил Прохановскому и договаривался о визите, тот лишь красочно описал, как подъехать и в какую дверь ломиться.

– Точного адреса не знаю! Я здесь случайно оказался! Но тут – раненый! В него дважды стреляли! – как можно спокойнее и убедительнее сказал Артем.

– Улицу можете назвать?

– Это возле кладбища.

– Которого? Ивановского, старого немецкого или Северного?

– Да я не здешний! Я тут случайно оказался!.. – Артем ощутил подлинное отчаяние. – Это если ехать по Пушкинской, потом за мебельным магазином свернуть направо...

– В какую сторону ехать?

– В какую? Погодите! Ах ты, Господи... Если ехать от цирка...

– Сами вы из цирка! – рассердился наконец дежурный и положил трубку.

– Эй! – заорал Артем, но лишь короткие гудки ответили ему.

Ну что же – дежурный прав, звонитель действительно из цирка, более того – клоун, и лимит терпения исчерпан полностью. Мало ли пьяных идиотов выдает среди ночи такие вот заявления?

Артем снова набрал 02.

– Извините, разговор прервался, – быстро сказал он. – Я не шучу и не пьян! Я случайно стал свидетелем нападения. Надеюсь, что не убийства.

– А стреляли в кого? В мужчину? В женщину?

– В мужчину! Он там за стеной зовет на помощь! А я не могу к нему попасть! Я заперт!

– Кто это вас запер?! – в голосе дежурного было такое недоверие, что Артему сделалось неловко, как будто он действительно накручивает вранье виток за витком. Но тут же в голове словно прояснело.

– Я заперт в компьютерной фирме «Креатив»! Она тут снимает подвал!

Президент – Прохановский! – заорал Артем. – Посмотрите в телефонной книге!

– Хорошо, – и дежурный снова положил трубку.

Теперь оставалось только ждать.

– Эй, вы! – крикнул Артем. – Как вы там – живы? Держитесь – я милицию вызвал! Сейчас приедут и помогут!

Только высокий профессионализм и выручил – трудно было обещать скорый приезд милиции среди ночи и не сфальшивить.

Из-за стены не ответили.

– Эй, отзовитесь! – Артем принялся стучать. – Эй! Хоть слово-то скажите!...

И вдруг осекся.

Такая в подвале образовалась тишина, что стало ясно – случилось страшное.

Возможно, он там просто потерял сознание, говорил себе Артем, возможно, он потерял сознание только что, сию минуту. Может быть, он еще придет в себя!

– Вы слышите? Я тут, за стеной, я никуда не делся! – Артем сделал себе низкий и, как ему казалось, прошибающий проклятую стенку голос. – Я тут, с вами, и сейчас приедет милиция! С ними приедет скорая помощь! Вы там держитесь, слышите?

Раздался телефонный звонок.

Выпав из отчаяния и впав в восторг, Артем схватил трубку.

– Милиция? – закричал он.

– Фирма «Креатив»? – спросили в трубке.

– Она самая!

– Выходите встречать!

– Да как я выйду? Я же заперт! – Артем совсем ошалел.

– Где заперты?

– Да в подвале же! Посмотрите в телефонной книге – там же должен быть адрес!

– У нас нет новой телефонной книги, она еще не вышла, у нас – база данных, а тут только телефон, – сообщил голос. – А в старой «Креатива» вообще нет!

Тут только Артем сообразил, что с ним говорит не дежурный, а совсем другой человек.

– Вот что! – придумал он. – Позвоните народному артисту Алешину!

Директору цирка! Он мне дал координаты этой фирмы, он сам сюда ездил, он знает адрес!

– Звонить Алешину во втором часу ночи я не могу, – твердо ответил голос.

– А придется! – выпалил Артем. Как всегда, не вовремя появился в голову анекдот. Идет мужик по лесу, грибы собирает, вдруг навстречу – бабка с двустволкой. Что, милоч, спрашивает, изнасиловать меня хочешь? Мужик руками на нее замахал – мол, что ты, бабка, окстись! На что бабка отвечает самым мерзким и гнусавым голосом, на какой только способен рассказчик: «А придется!» Вот точно такой голос и проснулся в Артемовой глотке, незвано-непрошено, к немалому удивлению ее хозяина. Хотя, чего же и ждать клоуну от самого себя?

Результат был вполне предсказуемый – собеседник положил, а может, и бросил трубку. Артем рассвирепел и стал набирать номер дядь-Юры.

– Мальчик, эти сопляки тебя напоили? – участливо спросил директор, услышав про выстрелы и убийство. – Напоили, уложили, а теперь из тебя выходит хмель и ты буянишь?

– Дядь-Юра!.. – Артем уже не знал, какому святому молиться. – Тут же человек умирает! Клянусь тебе чем хочешь! Позвони в милицию, объясни им, куда ехать! Тебе поверят, ты же – Алешин!

Директор помолчал.

– Лесть должна быть тонкой, – заметил он. – А ты льстишь грубо.

– Но!..

– Жди.

Судя по тому, что через пять минут Артему вновь позвонили из милиции, директор цирка взял власть в свои руки.

Он был гордостью города, этот старый директор. Двадцать лет назад, почувствовав, что пик славы позади, он вспомнил, что до сих пор прописан и даже имеет неплохую квартиру в довольно крупном городе, а та жилплощадь, на которой он обретается при наездах в Москву, в общем-то принадлежит супруге, брак с которой уже вполне можно считать фиктивным...

Алешин развелся с ней, наконец осчастливил браком свою давнюю ассистентку, сдав свою квартиру с дрессированными пони и тоже мечтающую о тихой пристани, сдал свой аттракцион хорошо подготовленному воспитаннику и объявился в городе, для которого он был «сам Алешин!» в неожиданном качестве. Он сменил бывшего директора цирка, который в шестьдесят два года вдруг решил, что именно людей его профессии с нетерпением ждет государство Израиль.

Первых полтора года ему не давали работать пресса и телевидение. Потом все привыкли, что звезда всесоюзной величины ведет себя совсем по-человечески, не капризничает, не безобразничает, а просто-напросто работает, и зауважали уже не по факту былой славы.

Артем не знал, но догадался, что Алешин может здесь приехать к любому начальству без предупреждения – и горе той секретарше, которая заставит его ждать в приемной или, Боже упаси, соврет, что шеф на выезде.

Очевидно, милицмейская машина тоже впопыхах залетела на кладбище – уж больно долго она не появлялась. Наконец телефон, в который уже раз, зазвонил.

– Сигнализация отключена, – не просто сказал, а отрапортовал молодой голос. – Открывайте!

– Нечем!

Это действительно было бы безнадежной затеей – фирма «Креатив» запиралась основательно. Не имея трех ключей, бороться с тяжелой дверью не имело смысла. Артем объяснил тем, кто по ту сторону, где он слышал выстрелы и голос. И они ушли надолго.

Артем сидел у самой стенки, чуть ли не прижавшись к ней ухом, и слушал.

Вроде бы ни шагов, ни голосов не слышалось. Вдруг постучали – можно сказать, прямо в ухо постучали, так что он даже подпрыгнул. И заколотил по стене в ответ.

– Вот вы где, – отозвался голос, неизвестно который безымянный голос за эту страшноватую ночь. – Теперь все ясно. Значит, он отсюда полз...

– Что ясно?! Что ясно?! – завопил Артем. – Что там случилось?!. Ему еще можно помочь?..

– Ему помочь уже нельзя.

* * *

На следующее утро Артему пришлось выдержать настоящую осаду.

Поскольку ситуация сложилась чрезвычайная, милиция напряглась и отыскивала-таки часам к пяти кого-то из сотрудников «Креатива», он раздобыл телефон подруги Прохановского, и Артема извлекли из подвала. К тому времени труп уже увезли, и Артем не испытывал ни малейшего желания смотреть на то место, где лежал убитый. Он хотел только одного – добраться до цирковой общаги, лечь и вырубиться. Это удалось часам примерно к семи, а в восемь Арго стал стягивать с хозяина одеяло, намекая, что пора на прогулку.

Первый журналист прибыл ровно в девять.

Полагая, что гастроли известного клоуна и недавней кинозвезды заинтересовали-таки помешавшуюся на политике прессу, Артем опрометчиво впустил этого человека в комнату и даже предложил ему чаю.

– Несколько слов для газеты «Вести», – потребовал журналист, выставя на стол диктофон. – Были ли вы раньше знакомы с Сергеем Кузьменко?

– С кем?

– С главой телекомпании «Сюжет» Сергеем Кузьменко, – повторил журналист.

Он был чем-то похож на юного президента Прохановского – тоже круглолицый, курносый и отчаянно убежденный в своем праве на истину в последней инстанции.

– Я всего две недели, как в городе, – отвечал удивленный Артем. – Во время премьеры программу снимали и показывали в местных «новостях», но лично ко мне никто не обращался...

– О-кей! Тогда расскажите, как вы оказались в подвале «Креатива»!

– При чем тут подвал? – Вы провели эту ночь в подвале «Креатива»? – уточнил журналист. – Так сообщили наши источники. О-кей! Тогда следующий вопрос – когда конкретно вы слышали выстрелы? Без двадцати час? Без пятнадцати час?

– Откуда я знаю! – Артем уже начал свирепеть. – Спал, проснулся, услышал голоса, потом дважды выстрелили!

– О-кей! – в голосе этой акулы пера (или диктофона – как они там теперь называются?) была неподдельная радость. – Было два выстрела! А сколько было голосов?

– Послушайте, – сказал, вставая и всем видом давая понять, что интервью окончено, Артем. – Убили человека. Этим занимается милиция. Я все, что знал, рассказал представителям власти. И еще буду рассказывать. А теперь мне пора в цирк на репетицию.

– О-кей! – безмятежно отвечал журналист, располагаясь на стуле поудобнее.

– Значит, вы не знакомы с Сергеем Кузьменко и полагаете, что этим делом занимается милиция. О-кей?

Впервые в жизни Артем слышал это словечко с такой интонацией.

– Не знаком и полагаю, – отрубил он.

– Она им заниматься не будет.

– Это почему же? – Артем сверху вниз глядел на молодого нахала, соображая – выгонять его словесно, или просто взять да и вынести вместе со стулом.

– Потому что убийство – заказное. О-кей! Вы не в курсе. Месяц назад точно так же убили Павла Шемета, ведущего «Сюжета». Тоже две пули, и одна из них – в живот. Тоже – на окраине. Умер от потери крови. И тоже непонятно, как его туда заманили. О-кей? Два подряд заказных убийства. Накануне выборов в городскую Думу! О-кей?

Артем задумался.

Он почувствовал, что ночной «Тетрис» выйдет ему боком.

Журналист ждал – должно быть, словесного портрета убийцы.

– В общем, так, – заявил Артем. – Я к этому делу отношения не имею. Я только вызвал милицию. Единственное – если бы они приехали на двадцать минут раньше, этого вашего – Кузьменко? – его удалось бы спасти.

– Может, и удалось бы, – согласился журналист. – Известный артист упрекает милицию в расхлябанности и медлительности – о-кей?

Тут Артем понял, что орать и выпихивать нахала бесполезно – завтра выйдет преогромное интервью, где сперва автор перечислит его, Артема, бывшие заслуги, а потом заставит его в шести абзацах крыть городскую милицию всевозможными словами, приводя такие факты, которых Артем не может знать по определению.

– В расхлябанности я упрекаю фирму «Креатив». Она забыла в помещении совершенно постороннего человека. Кроме того, президент фирмы по расхлябанности запер дверь, тем самым помешав мне выйти наружу, что, несомненно, является серьезным правонарушением, – прокурорским тоном начал Артем. – Будучи едва не съеден крысами, отлов которых не был своевременно произведен фирмой «Креатив», я встал перед необходимостью искать спасения на стеллажах. Иными словами, я был преступно оставлен в опасных для жизни условиях и лишен возможности оказать сам себе необходимую помощь, а пункт о неоказании помощи в Уголовном кодексе еще не отменен.

Уж это Артем знал доподлинно! Вопрос о помощи встал перед судом, когда пару лет назад разбиралось скверное дело о вышедшем из клетки тигре. Этот тигр напал на девчонку-конюха и хорошенько ее искогтил, пока присутствующие стояли совершенно каменные. Потом кто-то заорал, кто-то прибежал с шестом, зверя оттеснили, и следователь, который на следующий день вызвал к себе свидетелей, получил ровно шестнадцать версий события, схожих разве что именем девчонки и кличкой тигра. Артем прибежал, когда общий ступор уже кончился, но тем не менее и он стал свидетелем по делу.

– Вы о чем говорите? – воскликнул корреспондент.

– Я говорю о том, что я знаю точно, – отрубил Артем. – А о том, чего не знаю, говорить не буду! Все. Салют. О-кей.

С тем, свистнув Аргошке, и выскочил из комнаты в надежде, что журналист недолго проторчит там в одиночестве.

Попросив администратора Наталью запереть после ухода корреспондента дверь, Артем с Арго двинулись в цирк – а там их уже поджидали двое из газеты «Спутник бизнесмена», один с фотоаппаратом, похожим на небольшой орбитальный комплекс, а другой – опять же с диктофоном.

Артем понял, что убийство Кузьменко – действительно крупное событие.

Эти люди действовали менее нахально. Более того – тот, что с диктофоном, вел беседу несколько меланхолично, Артем бы даже сказал – траурно. Он и сам-то наводил на мысли о вечной скорби – крупный, сутулый, лысый, с висячими сидящими усами, вздыхающий так тяжело, кивающий головой так значительно, что и Артем завздыхал, закивал, пригорюнился.

– Большие, ох, большие деньги тут замешаны... – вещал он. – Помяните мое слово – мы так никогда и не узнаем, сколько платили «Сюжету» за предвыборную рекламу наши так называемые демократы. И не узнаем также, сколько денег осело на личном счету господина Кузьменко.

– Таки не узнаем, Аркадий Борисович, – Артем соорудил физиономию, с какой неплохо бы играть дворцового в фильме из жизни английских аристократов.

Третий налет состоялся, когда Артем ковырял ключом в дверях гримерки. На сей раз атаковала женщина. Она озадачила Артема таким вопросом.

– Сперва – Шемет, потом – Кузьменко, кто следующий?..

Артем выдержал паузу. Держал до упора. Будь его воля – он увольнял бы из редакций агрессивных тридцатилетних женщин с заметными морщинами, но с лиловыми прядями в торчащих дыбом волосах. Черных башмаков на десятисантиметровой платформе он тоже не уважал.

– Я спрашиваю – кто следующий? – уже не так яростно повторила женщина, тыча чуть ли не в нос Артему диктофон.

– Я полагаю, Кандауров, – этак раздумчиво ответил Артем.

– Какой Кандауров?

Артем опять сделал паузу.

– Да-а... – протянул он. – Вот так живет человек, живет, думает – прославился, а приезжает в занюханный городишко – и на тебе!

– Кто этот Кандауров?

Артем раздумал открывать гримерку и сунул ключ в карман.

– Ну, я – Кандауров, – уныло признался он.

– Вы? Да ведь вы же!..

– Тс-с! Это – псевдоним! – Артем обернулся по сторонам, склонился к женщине и зловеще прошептал в ухо: – А вообще-то я – Рабинович!

Когда она опомнилась, самозванца и след простыл.

При нужде Артем умел не то чтобы исчезать, а вообще испаряться. Даже вместе с Арго.

– И так тошно, а тут еще эти лезут, – признался он дядь-Юре. – Ведь я же слышал его! Я же сам ему кричал – подожди, сейчас приедут, помогут! И, ты ж понимаешь, приехали! Помогли!

Директор покачал крупной набыченной головой.

– Ты с ними не шути, – посоветовал мрачно. – Мальчик, у них что-то с мозгами. Десять минут назад мне звонили и уточняли – ты действительно Кандауров?

– Девичья фамилия! Дядь-Юр, ты что, не помнишь? В главке был такой Кандауров! Еще с тобой на гастроли в Японию ездил! Его еще костюмером оформили! Я и подумал, что раз пошла такая пьянка – хорошо бы и его наконец пристрелить.

– Поезжай в «Креатив» и купи наконец себе машину, – велел директор. – До представления можешь не появляться.

– А если я ментам потребуюсь? Они хотели меня сегодня вызвать...

– Ментов я беру на себя.

Артем задумался – действительно, президент Прохановский обещал, что сегодня ноутбук вернется. И гораздо умнее поехать за ним, чем торчать в цирке, ожидая очередного идиота с диктофоном.

Впрочем, и журналистов можно было понять – не так часто единственным свидетелем убийства знаменитости становится другая знаменитость. Да еще все это накладывается на расхлябанность милиции, чтобы не сказать круче.

Обрадовав инспектора манежа, что репетировать не будет, Артем взял Арго и поехал.

* * *

Мудрый дядь-Юра, понимая невменяемое состояние Артема, позвонил компьютерщикам и предупредил, что заказчик выезжает.

Поэтому Артема встретили, как адмирала в кают-компании. Очевидно, с утра эта молодежь все-таки соображала лучше, чем к концу рабочего дня. А может, уголовщина привела их в чувство. А может, у этих раздолбаев объявились угрызения совести!

Ребята наконец отождествили старого дурака, который, стоя одной ногой в могиле, второй норовит доиграть последнюю партию в «Тетрис», с недавней кинозвездой, она же – звезда манежа. Тем более, что прибыл и Арго – а уж его рожа стала и вовсе знаменита, потому что кадры с выразительным собачьим взглядом попали в рекламный клип.

Вообще-то был момент, когда Артем собирался развернуть машину и возвращаться в цирк. Это случилось, когда он въехал во двор и увидел компанию бомжей.

Бомжи были те же самые, которые там околачивались, когда Прохановский выпустил Артема из подвала. Дед с седой окладистой бородой, шириной во всю грудь, в камуфляжных штанах, высокий сутулый парень с какой-то кривой рожей и еще один – однорукий. Тот вообще был колоритен – тоже бородатый, с вороньими патлами чуть ли не по пояс, и красив, как Иоанн Предтеча на старого письма иконе, с таким же произительным взглядом из-под черных сходящихся бровей.

Этой публики Артем не любил. Во-первых, цирк приучил его к чистоплотности, к ежевечернему душу и дорогой одежде, которую грешно занашивать до черных полос на шее и рукавах. Во-вторых, однажды он, оказавшись за столом рядом с конюхом Ирмой, которую, редкий случай, слвершенно официально выперли из цирка за алкоголизм, подцепил вшей. Эта тварь вызвала в нем такое отвращение, какого он сам от себя не ожидал. И всякую возможность снова разжиться этой радостью обходил за три версты.

Третье – Артем просто не любил бездельников.

Это уже доходило до суеверия – бомж, да еще встреченный с утра, не предвещал ничего хорошего, во всяком случае, удачной репетиции – уж точно! У приятеля Артема, наездника Гаврилова, была причуда еще почище – он шарахался от старух. Причем от всяких – толстых, тощих, маленьких и напоминающих вставшую на дыбы цистерну. Если бы Гаврилов обнаружил старуху поблизости от конских стойл или боксов, могло произойти смертоубийство.

Бомжей сразу же с утра, пока вызволяли из подвала Артема, допросили – не было ли слышно шума, шагов, выстрелов, взрывов! Не находилось ли следов преступника – брошенного пистолета, к примеру. Нет, бомжи вечером разжились спиртным и так надрались, что утром их еле растолкали. А жили они в подвале того же дома, только в другом крыле. Как бы по диагонали и напротив.

Артем увидел эту компанию, вспомнил все события ночи, да еще стояли бомжи у тех самых дверей, к которым пытался подползти Кузьменко, и ему очень захотелось смотаться куда-нибудь подальше, туда, где можно будет забыть всю эту историю.

– Заходите, Артем Андреевич! – кричал Прохановский, даже еще не видя Артема, а отвечая на стук в неподдающуюся дверь. – Мы вас ждали!

За столом в закутке президента собрались не только расхристанные труженики «Креатива» – там были двое мужчин, которые резко отличались от компьютерной тусовки, хотя и поддерживали общий технарский разговор, как Артему показалось, вполне на уровне.

Уж эти не стали бы расстреливать крысу цыганской иглой из лыжной палки.

Артем, оглохший от бурных извинений, препровожденный к столу, ошастливленный мясным пирогом прямо из микроволновки и одноразовым стаканом с «Монастырской избой», поглядывал на парочку, ожидая возможности заговорить. Он разбирался в качественной одежде – в отличие от компьютерщиков, два высоких темноволосых мужика, лет от тридцати до сорока каждый, были одеты вполне качественно. Более того – держались с достоинством людей, которые даже не представляют как это – носить скверную одежду.

Артем определял эту породу так – «сытые». Не зажавшиеся, Боже упаси, не пошлые толстяки в золоте и при неизменной пальцовке, которую даже они уже преподносят с определенным юмором, а именно сытые, и потому ни в чем не хватающие через край. Лица – приятной округлости, тела – той самой упитанности, которую вполне можно назвать вальяжностью, и осанка людей, знакомых со спортом не по телевизору, и манеры – уже устоявши-

еся, без малейшей суеты. Подумать только – хватило десяти лет строительства капитализма, чтобы вывести эту самую породу в меру цивилизованных бизнесменов. С собаками – и то тянется куда дольше!

– А это, Артем Андреевич, наши хозяева, – представил Прохановский. – Забелин Игорь Петрович и Киреев Николай Иванович. Узнали про новости, пришли вот... О нас забеспокоились. Такая дурацкая история!

– Я думал, вы братья, – сказал, протягивая руку, Артем. Действительно, оба были одного роста, одинаково плечистые, с крупными лицами, с прямыми мощными носами, с губами, словно подкрашенными помадой.

– Двоюродные, – рукопожатие у Забелина оказалось вполне мужественным. – А насчет хозяев – не совсем так. Я бы сказал – соседи.

Оказалось – когда «Креатив» вселялся в регулярно заливаемый подвал, это было сделано по очень разумной причине: ради минимальной арендной платы.

Коллектив фирмы на девять десятых состоял из молодых сотрудников одного отдела небольшого предприятия, которое уже полгода как обанкротилось.

Предприятие же размещалось по соседству, как раз в тех каменных бараках, которые уже приметил Артем. Компьютеры – это было общее всепоглощающее хобби, которое в трудную минуту решено было сделать профессией.

Подвал принадлежал предприятию – точнее, был одним из последних его приобретений, здесь изначально планировалось оборудовать тренажерный зал, сауну, какие-то медицинские кабинеты. Поэтому «Креатив» посреди общей катастрофы исхитрился оформить себе аренду буквально за гроши.

Но четыре месяца назад, во время переезда, в подвал вошел Киреев и удивленно спросил, что здесь происходит. Он отрекомендовался владельцем всего огромного дома – хотя в тот момент это еще не было правдой, а только велись переговоры о покупке.

Артем в толк не мог взять, зачем богатым людям дом у кладбища. Когда ему несколько раз повторили, что Киреев с Забелиным собираются делать тут все то же, что и разорившееся предприятие, – и сауну с большим бассейном, и тренажерный зал, и бар при нем, и массажные кабинеты, и прочие затеи для релаксации, да еще впридачу – гостевые квартиры, Артем кое-что начал соображать. Домишко – на отшибе, если тут вечером и ночью будет шумновато – не покойники же явятся с протестами! Ну, станет местный бизнес оттягиваться во весь рост в сауне, убажываемый не банщиками, а банщицами, – кому какое дело.

– Вот мы и поладили, – сказал Забелин. – Выкупаем у жильцов квартиры и понемногу их расселяем. Во всяком случае, в этом крыле больше никого не осталось, а в том еще квартир пять, пожалуй, осталось. «Креатив» нам не мешает, даже наоборот, плату мы им повышать не стали, такой огромный подвал нам и ни к чему. Вот закончим ремонт, поставим охрану – ребята будут немного за охрану доплачивать. И – все! В зальчик будут ходить, качаться, в сауну со скидкой! Это – мы им. А они нам с железом помогут.

– Какой вопрос! – воскликнул Прохановский. – Поставим на абонементное обслуживание! Это – запросто!

Не первый раз Артем наблюдал вполне цивилизованные отношения, даже дружбу между людьми законопослушными и структурами с явным криминальным оттенком. Все – по уму, все по принципу целесообразности, и даже некий гуманизм просвечивает со стороны крутых – мол, мои это подопечные, мои, люблю я их, убогих! И вы их поэтому не трогайте.

Он ничего не имел против таких отношений. В конце концов, это – первое поколение, есть шанс, что второе поколение вырастет вместе, в полной уверенности, что детям технарей и детям крутых и положено дружить.

А третье поколение – оно уже будет общими внуками тех и других. Артем понимал, что от такой модели за версту разит идеализмом, но хотелось верить в лучшее.

– Вот только кладбище... – заметил он.

– А что – кладбище? Посадим кусты, деревья, отгородимся зеленой зоной, да там ведь уже и не хоронят, – Киреев усмехнулся. – Тут вообще райончик перспективный. Вот ребята не дадут соврать – мы здесь свои склады держим.

Ангар заметили? Туда немного денег вложить – торговый дом будет, круглогодичная ярмарка.

– Ага, – согласился тот из компьютерщиков, что палил из лыжной палки по воображаемой крысе. – Они наш сборочный и старый склад приватизировали.

Ну и что? И все довольны! И у нас там будет стенд – повезем железо из Голландии, матобеспечение лицензионное! Компакты с игрушками!

Забелин с Киреевым были люди воспитанные. Они не сразу приступили к допросу. А ведь мог бы Артем догадаться, что приехали они сюда, сильно озадаченные и даже обеспокоенные ночным событием. Если бы Кузьменко застрелили где-нибудь в кафе, в поликлинике, да хоть в книжном магазине – следователям и на ум бы не взбрело в чем-то подозревать хозяев кафе, не говоря уж о врачах и книготорговцах. Но эта известная личность погибла в частном доме, который стоит огромных денег, да еще нужно учитывать, какие суммы запланировано вложить в его реконструкцию. Хозяин довольно скандальной, как уже понял Артем, телепрограммы мог иметь свои сложные отношения с местными миллионерами. И пока не выяснится, каким бесом Кузьменко среди ночи занесло в недостроенную сауну, следователи какое-то время будут честно трясти Забелина с Киреевым. Честно – потому что следствие под прицелом у всей городской прессы, да что городской – и столичной, видать, тоже! И им нужно показать свою активность. Какое-то время – потому что сами же они и заведут следствие в тупик...

Был в Артемовой жизни случай, когда он помог выпутаться из неприятностей этакой приклатненной фирме – что характерно, невзирая на сопротивление ее шефа. И он усвоил, что бояться этих людей незачем. Во всяком случае, тому, кто умеет с ними обращаться благожелательно и без суеты. Да и чего им ссориться? Артем пока еще – клоун, а не налоговая инспекция!

– Вот так прямо и заигрались? – изумился Забелин, когда Артем, не дожидаясь намеков, стал рассказывать свое ночное приключение. – В «Тетрис»? Уму непостижимо!

– Я еще понимаю, в «Doom»! – прокомментировал кто-то из сотрудников «Креатива», маленький, бородатый, в прожженном свитере с закатанными рукавами.

– В «Doom» я сам однажды целую ночь рубился, – согласился Забелин. – Это – вещь! Но чтоб три часа подряд валить кубики в бункер? И так валить, чтобы слух отказал? Вы же должны были догадаться, что стало тихо!

– Может и стало. Я действительно ничего не слышал, – и Артем с некоторым смущением признался: – У меня игра пошла...

– А, ну, это – свято! – пришел ему на помощь Киреев. – Да вы пейте, пейте! Представляю, какой кошмар – вывалиться из игры и обнаружить, что вас заперли! Тут вы, наверно, и поняли, почему стало тихо.

– Да я об этом не думал. Мало ли – видик выключили, делом занялись. Я же не знал, который час! – тут Артем попытался восстановить то самочувствие, которое имело быть несколько часов назад, и вдруг ему это удалось до такой степени, что он даже обрадовался. – Мне другое показалось странным!

Темнота!

– Темнота? – переспросил Забелин.

– Ну да! Тут ведь все стенки дырявые, в смысле – вместо стенок – стеллажи. Когда я играл, то горела лампа, и я не выходил из малого круга...

Артем замолчал. Ему вовсе не хотелось сейчас читать лекцию о малых и больших кругах внимания в системе Станиславского.

– Из круга света, то есть, ее света, лампы...

Публика молчала. Ну да, подумал Артем, от человека, способного на грани третьего тысячелетия играть в «Тетрис», ничего вразумительного эти раздолбаи и не ожидают!

– В общем, вы отвлеклись от игры, заметили, что стало темно, и забеспокоились, – помог ему Забелин.

– Примерно так.

Артем рассказал, как метался среди страшных стеллажей с риском обрушить на голову раскуроченный принтер. Даже не совсем рассказал – встал и показал, как шарил руками во мраке и живописно съеживался, пряча голову, при малейшем скрипе наверху. Очень похоже изобразил голосом, как на него свалился-таки жестяной кожух. Этюд получился живенький – возникло даже сопереживание, и Артем подумал, что так было бы неплохо начать репризу – выйти во мраке, крадась вдоль полоски света и шарахаясь от каждой тени. А потом? Потом – видно будет... – ...так, значит, вы легли на этом диване? – уточнил Киреев.

– И накрылся вот этой штукой, – Артем показал на плед.

– Ничего, раскрутимся – поможем ребятам оборудовать уголок отдыха, – пообещал Забелин, изучая местность вокруг дивана. – Я домой новую мебель покупаю, старую можно сюда перетащить. Саша, что это такое?

Прохановский сразу понял, о чем речь.

– Та самая дверь. Она только с этой стороны заделана, а с той – ниша.

Хотите расконсервировать?

– Нет, просто думаю – почему так хорошо было слышно.

– Ночью вообще лучше слышно, – вмешался невысокий светленький компьютерщик, тот самый, что тащил на тросике фальшивую крысу. – Иногда часы заснуть не зают. Так тиктачат – хоть в окно выбрасывай!

– И это тоже, – согласился Забелин. – Значит, как они туда подошли, вы не слышали, задремали? А услышали голоса?

– Я даже сперва не понял, сколько их было, – признался Артем. – Бубнят – и бубнят. В общем-то я и сейчас не уверен, что их было два. Я же – спросонья...

– А ментам как сказали?

– Сказал – голоса. Цифру?... Да вроде цифру не называл. Или нет – они сами так говорили, что я понял про двух – того, кто стрелял, и того, кого убили... Кузьменко то есть. Про третьего человека или про третий голос вроде речи не было. Ну, они меня еще будут трясти, – оптимистично заметил Артем. – Похоже, что я – единственный свидетель. Во всяком случае я единственный ни в чем не заинтересованный свидетель!

И точно – в редком городе Артем заживался дольше двух месяцев, он просто не успевал нажить врагов – друзей, впрочем, тоже. И впутаться в местные дразги не успевал. Его объективность была высшего качества, прямо-таки стерильна и безупречна, тем более – как раз в этом городе он оказался впервые.

– Артем Андреевич, – в голосе Забелина была этакая скорбная обреченность, как будто он сообщал родственникам безнадежного больного, что тому осталось каких-то две недели. – Нам нужно сейчас договориться, какие мы будем давать показания в милиции. Мы не хотим вводить следствие в заблуждение, Боже упаси! Мы только хотим, чтобы никто из присутствующих не противоречил своим коллегам.

Он помолчал, как бы ожидая возражений.

– Можете не объяснять, – сказал Артем, – я тоже знаю пословицу «Врет, как свидетель».

– Вот, вот! Они из-за несостыковки в пять минут будут нас три года теревить! Артем Андреевич, у нас есть кое-какие источники информации.

Так вот – пистолет не найден, следов не найдено, старухи, которые живут в том крыле, могли бы что-то видеть в окна, но не видели!

– Как это – следов не найдено? – Артем искренне удивился. – Они что, собаку не могли привезти?

– Теоретически следы должны быть, – согласился бизнесмен. – Там же ремонт, и не только на полу они должны были остаться, а более того – человек, который шастал ночью по этому проклятому подвалу, должен был оставить за собой белые следы в подъезде! Но их нет! Каким-то непостижимым образом их нет! Я вам вот что еще скажу – днем мои рабочие заносили туда доски и трубы, вот от них следов осталось предостаточно. И следы самого Кузьменко, конечно. Теперь понимаете, что ваши показания – пока единственная ниточка?

– Ни фиги себе... – проворчал Артем.

– Если следователь обнаружит противоречия – они же начнут цепляться к всякой дряни, гоняться за несущественными подробностями и... Ну, сами понимаете. следствию от этого никакой пользы не будет, а нашу жизнь усложнит. И жизнь «Креатива» тоже.

– И так времени ни на что не хватает, – пожаловался стрелок из лыжной палки.

– А им же нужно бурную деятельность показать! – перехватил нить рассуждений Киреев. – Убийство Кузьменко! Да еще сразу после убийства Шемета! Им и за Шемета каждый день шею мылят, а тут еще такой подарочек!

Артем Андреевич, я не только о себе – я о ребятах беспокоюсь! Вот о Сашке, о Валере, о Ромке! Им сейчас только всей этой возни с допросами не доставало!

Он показал на обступивших стол молодых компьютерщиков.

Сашка – это, очевидно, был президент Прохановский. Валера – скорее всего, стрелок. Тот, что возил по полу фальшивую крысу, мог оказаться Ромкой. Во всяком случае, эти трое стояли как раз в поле зрения Киреева, их он, как видно, и назвал.

Артем подумал, что юным раздолбаям не помешала бы хорошая встряска – чтобы больше не забывали известных артистов в недрах своих подвалов!

– Это вы хорошо придумали, – сказал он вслух. – Мне, знаете ли, вполне хватило сегодня утром журналистов. Ходить к следователю как на работу я не собираюсь. Но, поскольку я первый беседовал с милицией, если не считать бомжей, наверно, мои мемуары нужно взять за основу.

– Логично. Саша, Леша, Валера, Ефим! – воззвал Забелин. – Все меня слушают? Вопрос первый – когда вы стали расходиться?

Киреев молча взял бумагу, ручку и стал составлять таблицу.

Нужно было расписать все события ночи – от момента, когда фирму заперли, до момента, когда приехала милиция. И понемногу цифры обозначились.

Артем за все время своей ночной суеты ни разу не догадался посмотреть на часы – и кто же знал, что это потребуется? Разве что – когда обалдел от «Тетриса» и опомнился... Но – посмотрел ли хоть на встроенные в «Norton Commander» часики? И сколько же на них было?... Цифра, возможно, подмеченная краешком глаза, провалилась на самое дно подсознания.

Артем четко вспомнил только слова одного из безымянных голосов в телефонной трубке – насчет того, что не звонить же самому Алешину во втором часу ночи!

– Может быть, вы слышали сверху телевизор? – догадался спросить Забелин.

– Мы бы выяснили, какая это была передача и когда она шла.

– Нет, телевизоров я точно не слышал, – сказал Артем и не сразу даже удивился – какой телевизор сквозь несколько этажей? Бабки, которых еще не расселили, живут, помнится, довольно высоко...

– Может, по лестнице кто-то поднимался?

Артем задумался. Зачем бы бабкам шастать в такое неподходящее время суток?..

– Может, и поднимался. Только откуда я знаю, где она – лестница?

Прохановский послал кого-то за планом подвала, который висел у входа на случай пожарной инспекции. Оказалось, к немалому изумлению Артема, что лестница, можно сказать, нависала над тем самым закутком, где он сражался с таблицей «Тетриса».

Потом Артема уговорили позвонить директору цирка – тот, возможно, запомнил его телефонные звонки.

Алешин внес кое-какую ясность – и таблица, исполненная с точностью до десяти минут, была предъявлена Артему и «Креативу». Начиналась она с прибытия Артема, завершалась – прибытием милиции. Уход всех сотрудников был расписан особенно четко.

После чего Забелин с Киреевым вдруг извинились перед Артемом за беспокойство и отбыли – в банк, оформлять какие-то жизненно важные бумаги. Артем удивился, призадумался – похоже, они спустились в подвал исключительно ради того, чтобы поговорить с ним, Артемом, потому что порядок ухода сотрудников «Креатива» можно было установить и без него.

Выходит, им было важно, что он скажет при допросе?

Если вдуматься – противоречия в показаниях сотрудников как раз никакой роли и не играли! Эти противоречия могли свестись разве что к порядку их ухода – Валера ушел первым, Леша, или вообще какой-нибудь Варсонофий! А последним уходил и дверь запер распятым Прохановский – только это, возможно, и имеет значение.

Господа бизнесмены впали в панику?

Из-за чего бы?

Артем, усевшись на диван с толстым компьютерным журналом и изобразив заинтересованное лицо, прокрутил всю беседу заново.

Им нужно было расписать поминутно именно поведение Артема.

Артем до такой степени уважал следственные органы, что очень скоро вошел в образ обыкновенного бизнесмена, чья недвижимость случайно обогрена кровью, и вошел с полным сочувствием к бизнесмену.

Бизнесмен не хочет лишней суеты вокруг себя – это понятно.

Если Артем будет путаться в показаниях, то следствие ухватится за какую-то несостыковку и начнет цепляться к людям, не имеющим отношения к делу, вместо того, чтобы вовремя найти настоящих свидетелей.

Делалось ли все это лишь ради Артема? Но тогда достаточно было бы одного Прохановского – он бы подтвердил, что уходил последним, запер дверь и включил сигнализацию. Тут же зачем-то учитывались все сотрудники, даже те, кто смылся через полчаса после явления Артема. С перепугу, что ли?

Арго, обнюхав диван, посомневался – и прыгнул на пыльный плед. Решил, что в этом странном подвале лучше быть поближе к хозяину. Артем хотел было согнать нахала, но подумал, что от Аргошкиных лап эта мебель грязнее не станет.

Тут он обнаружил перед своими глазами таблицу каких-то иностранных названий, против которых стояли непонятные цифры в пять колонок. Артем поскорее перевернул страницу журнала, чтобы никто из компьютерщиков не застукал его с умной рожей над этой белибердой. Тогда точно решат, что спятил.

– Артем Андреевич! – позвал маленький компьютерщик в прожженном свитере.

– Вас к телефону!

И подал трубку.

– Это ты, мальчик? – спросил Алешин. – Ну вот, тебя уже ищут. Поезжай в городское управление милиции, для тебя уже выписан пропуск. Третий этаж, следователь Лович.

– Сейчас Аргошку в цирк завезу – и сразу же туда! – пообещал Артем.

Рядом с ним оказался Прохановский.

– Вызывают? – спросил он. – Возьмите таблицу с собой, по дороге проглядите... Надо же, какая чушь! Жили себе, никому не мешали, на тебе!

В политическое убийство вляпались!

* * *

– Я могу только повторить все то, что рассказал утром, – устало сказал Артем. – Ничего не прибавилось. О том, как меня забыли в подвале, вам гораздо подробнее расскажет Прохановский. Именно он закрывал фирму. Я отчетливо помню только то, как играл в «Тетрис».

Следователь Лович смотрел на листок, где уместилось девятнадцать строчек Артемовых показаний.

Ясно же было следователю, что этот человек пристегнулся к делу совершенно случайно, что он не то что ни черта не знает, а даже по всем законам физики знать не может!

Однако следователь Лович, маленький, пузатый, коротко стриженный дядька Артемовых лет, проводил авторучкой по строкам, никакой информации не содержащим, с таким видом, будто вот-вот возьмет след.

Арему казалось, что он наизусть может отчеканить эти строчки:

– «... в девять часов вечера, сразу после представления в цирке, приехал на собственной автомашине в компьютерную фирму „Креатив“ с целью покупки компьютера модели „ноутбук“. Будучи приглашен президентом фирмы Прохановским Александром Юрьевичем поиграть в компьютерную игру, приблизительно в двадцать минут десятого был усажен в отдельном помещении. Где и пробыл до без пяти двенадцать часов вечера...» – Точно до без пяти двенадцать? – уточнил Лович.

– Да! – отрубил Артем. Он помнил, во сколько ушел Прохановский, вернее, не сам уход юного президента, а строчку в таблице. Жуткая порнуха завершилась в половине одиннадцатого, и тогда же программист Леша стал гнать зрителей прочь – страстные вопли весь вечер мешали ему сосредоточиться, а назавтра следовало сдавать клиенту доведенную до ума программу бухучета «Баланс-К». Это Артем опять-таки не сам изобрел, а слышал при составлении таблицы. Бездельники и раздолбаи убереги к одиннадцати, после чего Леша плюнул на программу, потому что у него, как он выразился, повисли мозги. Имелись ли в виду машинные, или его собственные, Артем не понял. Дальше была разборка между ним и Прохановским, впадшим в отчаяние из-за того, что завтра придется опять врать клиенту. В процессе разборки с Лешей он и забыл, что посадил к компьютеру ветерана Петровича какого-то чужого дядю. Они склочничали до половины двенадцатого, потом вышли, заперли дверь и еще минут двадцать переругивались во дворе, причем во двор выходит два окна фирмы, и если бы они слышали грохот, произошедший от рухнувшего кожуха, то, конечно же, вернулись бы. Но оба утверждали, что внизу была могильная тишина.

В общем, «без пяти двенадцать» не с луны свалилось.

– Тут не сказано, что вы посмотрели на часы, – Лович показал пальцем между строк.

– А мне не на что было смотреть. Я часы в примерке оставил.

Что правда, то правда – поскольку Артем не мог выходить на манеж при нормальных наручных часах, разве что привязать к запястью большой круглый будильник, то они часто оставались на гримировальном столике.

Лицо следователя выражало огромное сомнение в показаниях.

Вдруг Артема осенило.

– Я играл в «Тетрис», а эта игрушка записывает результаты. У нее для них есть особый файл. Нужно посмотреть в «таблице Нортон» – там указано время, когда я вышел из игры.

– Да? – на тяжелом лице пожилого следователя никакой благодарности не отразилось. – Это мы сделаем.

– Я сам сделаю и позвоню вам. А потом – все, как вот тут написано, – Артем приподнял жалкую страничку своих показаний.

– И ничего больше?

– Совершенно ничего.

– И никаких шагов наверху?

– Если шаги и были, так в то время, когда я ходил по этому проклятому подвалу, обрушивал на себя железки и искал выход.

Артем поражался собственному терпению. Одновременно испытал огромную благодарность к Забелину и Кирееву – если бы не составленная ими таблица, допрос стал бы для него делом еще менее приятным. А так – Артем с точностью до пяти минут мог описать свои подвиги, и с этой позиции его уже не сдвинуть было бы даже бульдозером.

– А не показалось ли вам, что из-за стены доносится музыка? – вдруг спросил следователь. И поднял глаза – причем взглядом напомнил Артему бегемота Лельку. Если постоять перед цистерной, где круглосуточно мок Лелька, минут пять, непрерывно повторяя его имя, то в конце концов над водой появлялись два широко расставленных глаза, решительно ничего, кроме тупой тоски, не выражающих.

– Из недостроенной сауны?

– Именно оттуда.

– Музыка?

Личный опыт Артема по части убийств был невелик. И в памяти не нашлось ни одного выстрела, который был бы заглушен, скажем, симфонией Моцарта.

– Да.

Артем посмотрел на следователя с неподдельным интересом взглядом приглашая к откровенности. Лович молчал.

– Знаете, голоса я слышал сквозь дрему. Если бы там была, скажем, инструментальная музыка (тут в голове у Артема грянули первые, еще медленные, тяжелые такты «Болеро» Равеля), я бы это, наверно, отметил. А если кто-то пел... Знаете, в бардовской манере...

– В бардовской?

– Ну, как поют под гитару, когда нет ни слуха, ни голоса. Это бы сошло за простую речь. Я же говорю – голоса шли сквозь сон.

– Вы бы назвали музыку «Аквариума» бардовской манерой?

– Частично, – Артем честно попытался вызвать в памяти хоть что-то «аквариумное», но уже всю торжественно грохотало «Болеро». – У них есть куски очень даже приличной инструменталки. А есть куски, когда голос совсем на первом плане.

– Это нужно будет проверить, – туманно заявил следователь. – Возможно, нам придется побеседовать еще раз. Распишитесь.

Артем подписал свои показания. Приосанился – все-таки единственный свидетель! Потом, конечно, будут найдены другие. И отбыл из кабинета, очень озадаченный музыкальными вопросами.

Побеседовать еще раз! Этого только не доставало... Артем предполагал, что еще наслушается дурацких вопросов, но одно дело – предполагать, а другое – знать, что они наверняка будут.

Ситуация малость прояснилась, когда в коридорчике перед следовательским кабинетом Артема окликнул человек из газеты «Спутник бизнесмена», печальный Аркадий Борисович с большими вислыми усами. Он единственный заслужил хоть какое-то доверие Артема.

– Вот тут я поднял старые публикации и подготовил большой проблемный материал, – сказал он. – Я ведь как раз писал про Шемета. Хочу завизировать у Ловича, а потом у них в пресс-центре. Вот тут, если угодно, ваш абзац. Вы ведь именно это сказали?

Артем прочитал.

– Да, тут все в порядке.

– Спасибо. Не люблю, знаете, подставляться. Газета у нас солидная, нам доверяют. Если начнем врать – нам органы информацию давать перестанут.

Может, я не так остро преподношу... Старая школа, понимаете.

Артем посмотрел, что там написано ниже его абзаца.

– Вы бы не могли мне это оставить? – спросил он. – Если вам это, конечно, не нужно.

– Если у вас нет правки, то не нужно. Я три экземпляра распечатки сделал, мало ли что. В завтрашний номер все равно не успеваю. А вы сегодняшнюю вечерку возьмите. Вот где воплей будет!

– Гляди-ка, этот следователь вам все-таки что-то сказал! – пробегая взглядом по тесным строчкам, удивился Артем. – Я думал, он совсем бетонный.

– Мы уже лет десять сотрудничаем. Вот кому другому – не сказал бы. Он – такой. Он по своей сути – бультерьер.

Артем, как владелец немецкого курцхаара с длинной родословной, на всяких там бультерьеров смотрел свысока.

– А с чего его вдруг заинтересовала музыка «Аквариума»? – спросил он журналиста.

– «Аквариума»? – представитель прессы оживился. – Вы хотите сказать, что на допросе он вас спрашивал про «Аквариум»?

– Ну да!

И Артем, выведенный журналистом на лестницу, усаженный на подоконник и даже угощенных слабой сигареткой, вполголоса пересказал странный финал допроса.

– С меня причитается, – уныло сообщил Аркадий Борисович. – Ну, если строго между нами...

– Строго между нами!

– Кузьменко лежал на кассете.

– То есть как?

– Когда его подняли, чтобы увезти, оказалось, что под ним – кассета.

Магнитофонная. И отдельно – раскрытый футляр. Насколько я мог догадаться, на кассете обнаружили пальчики Кузьменко.

– Может, и магнитофон поблизости стоял?

– Нет, магнитофона не было. Ну, теперь ясно, почему они про эту кассету молчат. Если на ней – «Аквариум», то следствию от нее толка мало.

– Дивны дела твои, Господи! – проникновенно сказал Артем. – Человек ночью идет в подвал, чтобы без помощи магнитофона послушать Гребня, и его за это убивают!.. Как вы полагаете, эту кассету в ментовке всю прокрутили?

Ведь там могла быть и еще какая-то запись. Сперва, скажем, Гребень, а в самом конце – что-то такое, компрометирующее...

– Если бы они нашли хоть что-то компрометирующее, то уже закрутились бы!

А так – сидят, недоумевают. Семью Кузьменко сразу с утра допросили, любовницу допросили, теперь составляют список друзей, подчиненных! Пока – ни одной ниточки. А убийство – точно заказное. Сперва – Шемет, потом – его начальник. Я уж думаю – не было ли убийство Шемета предупреждением Кузьменко? Мол, не поумнеешь – и с тобой то же будет?

– А при Шемете никаких кассет не нашли?

– «Аквариума»?

– Ну, «Аквариума» – это было бы совсем замечательно! Такой тайный знак убийства...

– Шерлок Холмс – это замечательно, – охладил Артема скорбный журналист. И засобирался, пока клоун не стал извергать версии, одна другой краше. Не успел Артем и попрощаться толком, как Аркадий Борисович уже стучался в дверь следовательского кабинета.

Что оставалось делать Артему? Позвонить в «Креатив» и сказать, что допрос прошел мирно, жертв нет. И – в цирк... Нет!

Артем наконец вспомнил, что собрался потратить тысячу долларов на маленький черный чемоданчик с «Тетрисом». Вполне можно было объединить полезное с полезным: съездить в «Креатив», рассказать про допрос и купить наконец этот чертов ноутбук!

Хотя Артем предполагал, что после таких событий ему уже никогда в жизни не захочется играть в «Тетрис»...

* * *

– Все по плану! – обрадовался Прохановский. – Нужно будет Забелину позвонить. Он где-то тут, с рабочими разбирается. На втором этаже у нас будут гостевые квартиры, а канализация – времен царя Гороха, вот они там и колотятся... Значит, он обещал вас еще раз вызвать?

Артем хотел было ответить, но Прохановский уже набивал пальцем номер на мобильнике.

Да, действительно, подумал Артем, они еще не раз вызовут. Если долбить Ловичу одно и то же – он, чего доброго, решит, что кинозвезда пытается утаить что-то важное. Ишь, глазки-то – как у бегемота Лельки!..

Нужно с большим восторгом сообщить ему какую-то выплывшую из памяти подробность. Да, точно, нужен восторг идиота, который страстно желает помочь следствию. И даже дает советы! Желательно – идиотские. Вот тогда от Артема точно отвяжутся.

Тем более, что и важная деталь имеется...

Артем проскользнул в закуток, где играл в «Тетрис».

Машина, на которой он валял дурака в ту жуткую ночь, была включена. Он через одну из немногих знакомых ему функций «alt+F7» нашел свой треклятый «Тетрис» – и озадаченно уставился на файл «gez». Кто-то из сотрудников раздолбайской фирмы, оказывается, сел поиграть в игрушку после Артема. И когда же это было?

Судя по цифрам, которое таблица Нортоня проставила против файла с результатами, этот отчаянный игрок развлекался чуть ли не в то самое время, когда Артем помогал Забелину, Кирееву и Прохановскому выстроить таблицу. То есть в одиннадцать часов утра. Если совсем точно – в 11.06.

Артем почесал в затылке и включил игрушку.

Если это был хозяин машины, которому действительно нехватило ума покидать кубики, то он непременно оставил свой след в таблице, ведь это был игрок покруче Артема.

И этот игрок имел привычку вместо своего имени выставлять в таблице результатов дату.

Артем даже знал, в какой строке эту дату искать.

Так вот – в таблице ничего не изменилось!

Новые цифры ниже тринадцатой строки не появились. Стало быть, игрок экстра-класса сюда руку не приложил. А приложил кто-то другой – очевидно, играющий в дурную игрушку еще хуже Артема.

Или же тот, кому важно было стереть настоящее время завершения игры...

Артем вышел из закутка весьма озадаченный.

Что же он такое видел или слышал в самый момент окончания игры? Такое важное, что, если оно выплывет на свет, у кого-то возникнут проблемы...

Да ничего же он не слышал! Тем более – не видел! Кроме идиотских кубиков, конечно! – Ага, ага! – вопил в трубку Прохановский. – Хай класс!

Круглая физиономия президента прямо светилась.

Артем не понял – это все еще беседа с Забелиным, который околачивается поблизости, или уже с кем-то другим.

Да и не до Прохановского ему было. Артем начал выстраивать в голове таблицу – уже не ту, которая помогла ему разобраться со следователем Ловичем, а совсем другую – утреннего заседания в «Креативе». Начал, соответственно, тоже издалека – с той минуты, когда дядь-Юра, спасая «мальчика» от прессы, отправил его за ноутбуком. Было это в одиннадцатом часу. Примерно в четверть одиннадцатого, потому что в половине одиннадцатого Артем хотел порепетировать, а шпреха предупредил о том, что на манеже образуется пустое место, естественно, заранее.

Обычно Артем репетировал в смешанной компании. Ему ведь не был нужен весь манеж. Как правило, ему везло на жонглеров. Случались музыкальные эксцентрики. Самое жуткое было, когда он делил манеж с дрессировщицей голубей. Бестолковые птицы так и норовили сесть ему на голову.

Итак, в двадцать минут одиннадцатого Артем выехал из циркового двора.

Заскочил на заправку. Заправка – три минуты, дорога до «Креатива», наверно, десять минут. В 10.35, а скорее уж в 10.40 он ломился в неподдающуюся дверь. Его встретили, задавали вопросы, знакомили с Киреевым и Забелиным. Пять минут длилась эта суета? Или десять?

Чем ближе к цифрам 11.06, тем больший азарт охватывал Артема. Допустим, восемь минут. Получается – 10.48. В общем, без десяти одиннадцать сели составлять ту, первую таблицу. И сколько же над ней провозились?

Судя по тому, что в половине двенадцатого Артем уже входил в кабинет к Ловичу, выехал он с территории Забелина в 11.15. Или чуточку позже. Перед этим какое-то время сидел на диване, таращась в заграничный журнал. А за несколько минут до того, как он уселся на тот диван, Забелин с Киреевым стремительно удалились.

Во время возни с таблицей весь наличный состав «Креатива» клубился вокруг стола, возглавляемый Прохановским и двумя бизнесменами. Весь ли? Артем помнил лица ребят, но он не был уверен, например, что присутствует ветеран Петрович, на чьей машине он играл. Может, и ветераном-то эти мерзавцы звали кого-то совсем юного?

Постоянно над душой у Артема висели бизнесмены. Они-то в 11.06 точно не отлучались. А кто-то исхитрился, отошел и вернулся незаметно. Причем – не получив приказа. Просто сам сообразил, исходя из цифр в таблице, что им кое-что сильно противоречит!

Кому же и зачем приспичило внушить Артему какую-то неверную хронологию?

Бизнесменам, что хоть в какой-то мере вероятно? Или раздолбайской фирме?

Не напрасно ведь так усердно осведомлялись все они о телевизоре! Если бы Артем сказал – ох, да, слышал сверху вопли страсти и взлет космоплана, Забелин или Прохановский могли бы ответить что-то вроде – точно, шел этот жуткий сериал, вопли были ровно в двенадцать часов семнадцать минут! И втемьяшенная таким образом Артему в голову цифра могла бы стать точной отсчета, ориентиром, и в итоге – чьим-то алиби. Он бы выдал ее следователю, твердо убежденный, что видел ее на компьютерных часах своими глазами.

Выходит, двоюродные братцы имеют-таки к убийству Кузьменко какое-то отношение? Допустим!

Но только круглый идиот станет ради убийства заманивать жертву в собственный дом, да еще оставлять труп в подвале, где его не завтра, так послезавтра найдет кто-нибудь из рабочих. Братцы же на идиотов непохожи.

Компьютерщики – раздолбаи, но отнюдь не идиоты...

Но только гениальный пророк в такой ситуации предусмотрит, что за стеной, в запертой фирме, окажется одуревший от «Тетриса» свидетель, который поднимет шум и вызовет милицию!

Бр-р!

Выходит, Забелин с Киреевым подозревали, будто Артем слышал что-то совершенно лишнее и совершенно не вовремя. Очень любопытно!

И что бы это такое могло быть?

Какие-то шаги на лестнице? Да, лестницу вспомнил именно Забелин. Потому ли вспомнил, что сразу рассчитал ее местоположение? Или потому, что знал – по лестнице ночью кто-то ходил?

Артем увлекся логической задачей. Мог ли это быть сам Забелин? Или Киреев? В таком случае, они сами куда лучше Артема знают, что и когда ночью стряслось. Но уж очень артистично они возились с таблицей. Ни разу не проболтались... Опять же – им было бы достаточно услышать от Артема, что никаких шагов с лестницы не донеслось. А они поминутно расписали события.

Похоже, что некий Икс с их ведома находился в доме, ночью расхаживал по лестницам и не исключено, что лазил в недостроенную сауну.

Это – человек, который по стечению обстоятельств может безвинно стать подозреваемым номер один?

Или это – убийца?

Артем смотрел на вещи трезво. Следствие, имея подозреваемого, который в целом вполне подходит на роль убийцы, не станет копаться в мелочах.

Мелочи выплывут на процессе – если только адвокат попадется толковый. А в том, что следователей будут торопить и подстегивать, Артем опять-таки не сомневался. Два убийства подряд, да еще увязанные с предвыборной кампанией, да еще замешанные на больших деньгах!

Сейчас уже невозможно было установить, в какую сторону хитрые бизнесмены при поддержке компьютерщиков скорректировали время. А если попробовать?

Артем присел на диван (странно, но сейчас он был пуст, видик перед ним бездействовал) и достал свой дневничок, куда перед визитом к Ловичу старательно занес таблицу.

По таблице получалось, что он вышел из игры примерно без четверти полночь. И примерно без пяти полночь он звонил Алешину.

Первая цифра – заведомое вранье! Вторую дядь-Юра подтвердил без особого энтузиазма. Мол, раз ты, мальчик, настаиваешь, то так оно, наверно, и было.

Что же там такое стряслось, на этой самой лестнице?

* * *

Определенно, «Тетрис» был придуман врагом рода человеческого во вред не абстрактному человечеству, а лично Артему. Когда Прохановский дважды показал ему, как включать ноутбук, как искать игры и как потом выключать машину, а потом протянул руку за долларами, оказалось, что Артем оставил деньги в кабинете у Алешина. Он обычно прятал свои накопления в сейфе у директора гостиницы, где поселялся, но на этот раз пришлось жить в цирковом общежитии с какой-то подозрительной администрацией – и Артем сделал Алешина своим казначеем. Чисто автоматически он отдал утром неиспользованную тысячу баксов в конвертике старому товарищу, так же автоматически дядь-Юра сунул ее в сейф, а потом уже вполне осмысленно позвонил в «Креатив» и предупредил, что клиент с деньгами выезжает.

Чушь, одним словом.

Но эта чушь позволила Артему смыться из «Креатива» без лишних реверансов.

За деньгами понесся, вот! А то еще перехватит кто-нибудь этот черненький чемоданчик. Мало ли чудаков, у которых крыша съехала на игрушках?

На самом же деле Артем с Аргошкой, сев в машину, всего лишь выехали со двора, завернули за угол, тут же припарковались у бетонного забора и, оставив пса стеречь транспортное средство, Артем вернулся к крепости Забелина-Киреева уже пешком.

Сейчас Артем разглядывал ее куда внимательнее.

Дом был четырехэтажный, и, судя по всему, братцы правое крыло уже полностью взяли под себя. Там шел ремонт. Из окон свисали брезентовые трубы, чтобы, не разводя лишней грязи, выкидывать с этажей строительный мусор.

Справа и слева были декоративные башни – на самом деле всего лишь выступы, но имевшие совершенно феодальный вид и даже украшенные поверху какими-то жуткими зубцами. Артема удивило, что по ширине каждая башня как раз соответствовала удвоенному окну, не современному, а дореволюционного дизайна окну, закругленному сверху. Примерно такие он видел в Париже, в добрых старых кварталах, где ему и объяснили, что тут они более узкие, чем в прочих европейских столицах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.